Майк Гелприн

Последний вампир

Часть сборника
Миротворец 45-го калибра (сборник)

Майк Гелприн

Последний вампир

«Демина Людмила Дмитриевна»
2007

Гелприн М.

Последний вампир / М. Гелприн — «Демина Людмила Дмитриевна», 2007

«Я вхожу в класс, спотыкаюсь о порог и с трудом сохраняю равновесие. В группе раздаются привычные смешки: в прошлый раз я, помнится, действительно-таки навернулся. Ловлю падающие очки, цепляю их на нос и иду к доске. На ней надпись: «Птицерон – болван». Птицерон – это я, Андрей Иванович Птицын. Кличку придумал душа группы, староста и гитарист Женька Басов, надпись сделана им же. Женька трижды пересдавал мне речи Цицерона, и, следовательно, надпись справедливая. Стираю ее тряпкой и поворачиваюсь к аудитории. На мне синий пиджак, приобретенный в комиссионке пятнадцать лет назад, мятые брюки в клетку оттуда же и красно-желтый с обезьянами галстук. Рубашка фирмы «Ну, погоди» под стать галстуку и лакированные ботинки с острым носком времен НЭПа…»

© Гелприн М., 2007
© Демина Людмила Дмитриевна, 2007

Майк Гелприн
Последний вампир

Я вхожу в класс, спотыкаюсь о порог и с трудом сохраняю равновесие.

В группе раздаются привычные смешки: в прошлый раз я, помнится, действительно-таки навернулся. Ловлю падающие очки, цепляю их на нос и иду к доске. На ней надпись: «Птицерон – болван». Птицерон – это я, Андрей Иванович Птицын. Кличку придумал душа группы, староста и гитарист Женька Басов, надпись сделана им же. Женька трижды пересдавал мне речи Цицерона, и, следовательно, надпись справедливая. Стираю ее тряпкой и поворачиваюсь к аудитории. На мне синий пиджак, приобретенный в комиссионке пятнадцать лет назад, мятые брюки в клетку оттуда же и красно-желтый с обезьянами галстук. Рубашка фирмы «Ну, погоди» под стать галстуку и лакированные ботинки с острым носком времен НЭПа.

Я слегка неказист, немного лопоух, зато сильно плешив, с единственной прядью волос, зализанной на макушку. Довершают мой облик очки с перевязанной изолентой правой дужкой. Они, как правило, сидят на самом кончике носа и то и дело падают.

Такую внешность я использую последние восемьдесят – девяносто лет. Правда, когда в начале века я преподавал античную историю в Сорбонне, пиджак и брюки принадлежали одному и тому же костюму – французы более строги к таким вещам. На истфаке Московского университета подобные тонкости этикета соблюдать необязательно.

Сегодня я веду семинар в четвертой «А» группе, моей любимой. Тема – Рим времен Тита Флавия. Традиционно начинаю с опроса.

На передней парте развалился красавчик Роберто Соуза по кличке Мучачик. Он из Южной Америки, страны, впрочем, не помню, но это и неважно. Мучачик – отменный кобель и гроза первокурсниц, влюбчивый, как мартовский кот. Если бы не я, количество абортов среди студенток, сделанных по его вине, могло бы побить все рекорды. Мучачику я предлагаю поделиться знаниями об отношениях Тита с иудейской принцессой Береникой.

Знаний у бедняги нет, но ему они и необязательны, поскольку навряд ли производство конопли в Венесуэле или Боливии сильно зависит от деятельности Тита. Мучачик, тем не менее, встает и героически пытается выплыть. В течение минуты я терпеливо выслушиваю версию о коварно соблазненной Титом невинной Беренике. Мучачик входит в раж, приплетая по ходу дела недоброй памяти императора Суллу и не менее недоброй памяти разбойника Спартака.

Наконец, я прекращаю издевательство над истиной, ставлю Мучачику заслуженную четверку и передаю Беренику Леночке Кругловой. Леночка – отличница, она безукоризненно пересказывает учебник. Молодец, пять, несмотря на то что содержание учебника по достоверности недалеко ушло от версии латиноамериканца. Я сам отнял у Тита любовь к длинноволосой еврейке и поэтому могу свидетельствовать о происходящих событиях куда лучше, чем доморощенный историк, использовавший напрочь лживые воспоминания придворного шута Иоськи Флавия.

Тит любил иудейскую царевну самозабвенно, до безумия, отдавая этому чувству всю мощь своей незаурядной натуры прирожденного государственного мужа и полководца. Но такая любовь могла привести к непоправимым последствиям для империи, и, забирая ее, я едва не плакал от жалости. Любовь Тита была настолько сильна, что мне хватило ее на несколько лет жизни. Не то что похотливые потуги Мучачика, от которых уже на третий день можно загнуться с голоду.

Глядя поверх очков, я обвожу глазами группу и одновременно прикидываю, что в ней произошло по моей части. Во втором ряду справа сидит Натка Миклютина – моя любимица.

Как жаль, что только моя. У Натки близорукие серые глаза вполлица, веснушки и склонность к полноте. Еще у нее отличные стихи, которые она никому, кроме меня, не показывает. А еще у нее удивительная способность чувствовать. Натка живет неподалеку от моего дома. Безотцовщина, мать работает библиотекарем в районке, они еле сводят концы с концами. Натка часто бывает у меня, я пою ее жасминовым китайским чаем, и мы отчаянно спорим об античных временах. Иногда Натка поражает меня – недавно она предположила, что Афродита, наградив Елену любовью к Парису, забрала эту любовь у кого-то другого. Я опешил и спросил, с чего она это взяла. Натка покраснела и долго молчала, размышляя, стоит ли меня посвящать, и не сочту ли я ее сумасшедшей. Я не торопил и ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.